

УДК 1(091)

ОТ «МНОЖЕСТВА» К ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ: ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ДИСКУРСА В ВЫСОКОМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

С.В. Расседин

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

Статья посвящена изучению трансформации социальных представлений в философии зрелого Средневековья. Анализируется влияние социальных воззрений Аристотеля на схоластическую мысль. Определяются наиболее значимые подходы к постижению «социального» в сочинениях мыслителей XIII–XIV вв.

Ключевые слова: Аристотель, Высокое Средневековье, социальный дискурс, христианское общество, человечество, социальная онтология.

Эпистемологическая каузальность хоть сколь-нибудь разработанных социальных дискурсов Средневековья, без сомнения, отражает не столько достаточность имеющейся социальной онтологии, сколько беспроблемность данной тематики в указанную эпоху. Фундированная учением Аврелия Августина о Граде Божьем (*Civitas Dei*) модель христианского мира, как отмечалось ранее [11; 12], не только не имела качественного понятийного аппарата, но и оказалась очень бедной в эвристическом плане: конгруэнтно описать и объяснить как усложняющиеся социальные реалии в самом христианском мире XII–XIV вв., так и онтологический социальный статус не-христианских народов она не могла¹. Ориентация на точное уподобление социального земного порядка небесному идеальному *Ordo* принципиально консервировала сам социальный, и без того находящийся в зачаточном состоянии, дискурс. Концептуальная ограниченность понятия «христианский народ» инструментально не позволяла продуцирования нового социального знания. Э. Жильсон констатирует этот факт: «Мы уже знаем два состояния христианского общества: Град Божий, где оно понимается как мистическое социальное тело, которое пребывает в мире, но само – не от мира; и григорианское христианское общество, где мирское устройство четко отграничено от духовного, однако все оно интегрировано в Церковь. В XIII столетии, “золотом веке” схоластической теологии, были последовательно или одновременно опробованы все мыслимые решения проблемы христианского общества, однако ни одно из них не восторжествовало окончательно» [4, с. 431].

¹ Предлагалось лишь исключение, отторжение христиан за пределы «христианского мира». Так, Роджер Бэкон отождествляет понятия «церковь» и «государство», порождая тем самым понятие «государство верных». В рамках данного подхода он предлагает всего два прямых способа работы с не-христианами – крещение и знание: «Ибо светом мудрости устрояется Церковь Божия, созидается государство верных, осуществляется обращение неверных, и, [кроме того, мудрость необходима также для того, чтобы] те, которые упорствуют во зле, могли обуздываться силой мудрости и оттесняться подальше от границ Церкви лучшим образом, нежели пролитием христианской крови» [13, с. 41].

Каким образом, с помощью каких приёмов, метафор, эпистемологических процедур реализовывался выход из эвристического тупика августирианского «христианского общества»? Кто из средневековых мыслителей смог предложить новые инструменты для трансформации социального знания?

Зрелое или Высокое Средневековье – это период европейской истории XII–XIV вв., характеризуемый рядом важнейших социальных трансформаций. Среди них, прежде всего, отмечают быстрый рост населения, что, в свою очередь, приводит к росту городов и городского населения. Отечественный исследователь Средневековья Е.В. Гутнова, анализируя феномен складывающегося бюргерства Западной Европы, отмечает: «Общеизвестно, что X–XIII вв. – время наиболее быстрого роста в Западной Европе средневековых городов. Самые крупные “старые” города средневековой Европы сложились именно в этот период, хотя и продолжали развиваться в XIV–XV вв. В последние два столетия также возникали новые города, но они росли гораздо более медленными темпами и главным образом за счет мелких полуаграрных городков и поселков <...> общим для городов любого размера было то, что в феодальном обществе они являлись центрами ремесла и торговли и основной костяк их населения обычно составляли люди, занимавшиеся этими видами деятельности, хотя и не всегда полностью отрывавшиеся от тех или иных форм агрикультуры. Именно в городах, больших и малых, складывался новый в этом обществе, и довольно многочисленный, социальный слой – бюргерство. Естественно, что появление этого слоя изменяло в той или иной мере соотношение социальных, а через них и политических сил в каждой стране» [1]. При этом ключевым фактором, обеспечивающим формирование указанного слоя, очевидно, является фундаментальное средневековое право свободного личного статуса жителей городов – принцип «городской воздух делает свободным». Важными факторами социальных подвижек этой эпохи являются технические и экономические новации: правильный трёхпольный севооборот, значительно повысивший урожайность зерновых, новые орудия труда, развитие скотоводства, виноградарства, огородничества и др. Выдающийся французский медиевист Ж. Ле Гофф констатирует, что эта техническая и экономическая революция может быть обозначена понятием Возрождение XII в. «Оживление крупной торговли, рост городов, обеспечиваемые сельскохозяйственным и демографическим прогрессом, затем, как следствие, появление специализации труда, ремесел, – все это приводит общество в движение, происходит духовная и ментальная трансформация. Отныне человек выделяется из бесформенной массы, в которой он пребывал раньше... Каждый человек приходит к осознанию самого себя через сословие (*état*), к которому он принадлежит, через профессиональную группу, частью которой он является, через ремесло, которым он занимается, а значит, представителем которого он является» [7, с. 101].

Столь заметные социальные подвижки (прежде всего, формирование новой и весьма значительной социальной группы ремесленников) инициировали серьезную рефлексивную работу по переопределению «социального». *Ordo*, социальный порядок раннего Средневековья, изоморфный порядку Града Божьего, сопрягал как бинарную схему, противопоставлявшую мирян и клириков, так и трёхчленную схему – дворянство, духовенство, третье сословье («молящиеся» – *oratores*, «воюющие» – *bellatores*, «земледельцы» – *laboratores*) [3]. Возникновение нового сословия, как считает Ж. Ле Гофф, по-

ставило под вопрос господствующую социальную модель: «...церковь с недоверием относится к самому факту корпоративности, она признает лишь объединения людей, происходящие по воле Божьей и следующие из природы человека: трехчленная схема общества, рассматриваемая ею как естественная и одновременно сверхъестественная, классификации, основанные на чисто религиозных или церковных критериях (христиане и нехристиане, клирики и миряне). Фактически она примет организацию ремесленников лишь в той мере, в какой она будет дублироваться организацией религиозной (братства)» [7, с. 98].

Поиск нового /забытого старого языка описания феномена «социальное» осуществлялся как через отыскивание подходящих метафор, так и путём конципирования новых, фиксирующих новые грани социальной реальности, понятий.

Метафора, будучи базовым механизмом человеческого мышления, является важнейшим инструментом теоретического познания. Виднейшие теоретики дискурса-анализа Дж. Лакофф и М. Джонсон отмечают ключевой статус метафоры и в обыденном сознании: «наша обыденная концептуальная схема, в терминах которой мы одновременно думаем и действуем, фундаментально метафорична по своей природе» [17, р. 13]. Взаимосвязь биологических и социальных метафор – одна из актуальных тем современной эпистемологии. Её анализу посвящена коллективная монография «Biology as Society, Society as Biology: Metaphors» [16]. Один из авторов монографии, Р. Воклер выделяет три большие метафоры социологии – метафоры организма, борьбы за существование и эволюции [19].

Зрелое Средневековье ответственно за артикуляцию первой из вышеуказанных метафор. Иоанн Солсберийский (лат. Johannes Saresberiensis) (1115/1120 Солсбери – 25 октября 1180, Шартр) – автор сочинения «Поликратик» (1159), обращаясь к Платону и маскируясь авторитетом Плутарха, возвращает в социальный дискурс метафору тела, обозначая с её помощью еще не дифференцированное представление об обществе-государстве. Иоанн пишет: «Но Республика, как это обозначал Плутарх, есть своего рода тело, которое оживляется божественным даром – Благом, и его самой высокой справедливостью является воля Бога, и управляется оно определенным направлением разума... И руководит телом в целом душа, во главе же всего тела – священники» [18, р. 549]. Ж. Дюби фиксирует этот подчиненный характер светской власти, но отмечает продуктивность метафоры для анализа распределения власти: «...Иоанн остается в григорианской партии. Позиция его та же, что у Адальберона: чтобы изменить земное общество, сообразовать его с волей Творца, чтобы подготовить его ко Второму Пришествию (которого люди не переставали ждать), суверену надлежит внимать церковноначальникам, чья мудрость укажет ему истину. Иерархия “Бог–душа–тело” делает государей “слугами священства”. Однако метафора тела полезна тем, что позволяет производить анализ – если не общества, то хотя бы тех механизмов, с помощью которых осуществляется власть государя» [3, с. 237]. Иоанн Солсберийский при этом не ограничивается традиционным двух- трёхчастным делением «социального», предлагая организменную модель, учитывающую различные социальные группы (дифференцируемые, прежде всего, по принципу функциональности). Он пишет: «Народ должен следовать за своим вождем, учитель – сеять знания,

судья – наказывать провинившихся, власть – оделять своей милостью усердных тружеников. Простые люди должны заниматься своим скромным делом; у знатных людей должна быть более дорогая, а у рабов – более дешевая цена... В самом деле, тело имеет много членов, но у каждого из них – разное применение. Каждый выполняет только то, что ему предназначено» [5, с. 360]. Указанное различие социальных групп служит у Иоанна важной амбивалентной цели – возвращению к природной гармонии и достижению совершенства социального устройства. Стоит отметить, что в данном случае средневековый автор впервые не следует традиции уподобления наличной земной модели превосходному устройству Града Божьего. Мыслитель пишет: «Государство всем строем своим почувствует свежий прилив сил, вид совершенной гармонии придаст ему особое очарование, и оно достигнет совершенства высочайшей красоты ...если будет не смешение обязанностей, а их разумное распределение. Этого результата можно достичь, если мы последуем за наилучшим нашим вожатом – природой. Но теперь, так как “дело врачей – врачевание, ремеслом – ремесленник только и занят”, то и государственная служба пусть отделит себя от охоты и от других низких и греховных занятий. А человек, опрометчивый в личных делах и несведущий в науках, пусть остережется вмешиваться в управление государством» [5, с. 362]. Функциональное различие «социального» в контексте организменной метафоры оказывается более продуктивным, как в рамках анализа самого социального устройства, так и в перспективе крайне актуальной для этой эпохи проблемы власти (проходящей «красной строкой» сквозь весь схоластический дискурс дилеммы первенства светской/церковной власти). Стоит отметить, что в это же время другой средневековый мыслитель – Отгон Фрейзингский (1112–1114 – умер 23 августа 1158), автор «Хроники, или истории двух Градов» (1146) и «Деяний императора Фридриха I», описывая социальное устройство, весьма искусно реплицирует августинианскую модель «социального», объединяя в христианское общество с сообществом ангелов в чаемом едином Небесном граде. Различение людей детерминируется не их земным функционалом, а уровнем просвещённости, духовного совершенства и «чудодейственными дарами»: «...как в настоящем мы пропорционально разделяемся на различные [группы], в соответствии с дарами благодати и степенью достоинства, так же мы удостоимся обители в небесной курии. <...> Итак, святые возводятся в различные чины святых духов сообразно разнице в прогрессе, то есть тому, насколько они продвинулись в труде, и согласно увеличению просвещённости, то есть насколько они преуспели в наставлении подчинённых для их просвещения, в соответствии со степенью духовного совершенства, то есть от силы в силу, продвигаясь не ногами, но разумом в различных достоинствах, или различию в достоинствах, которые суть различные чудодейственные дары... Мы поднимаемся к сотовариществам ангелов через степень духовного совершенства в нас или разнице даров между нами согласно различию в прогрессе и пропорционально увеличению просвещённости в нас самих» [10, с. 140]. Метафора «Града», используемая Отгоном, практически консервирует социальный дискурс, ограничивая «множество» христиан принципом избрания действительно достойных жить вечно: «Поставил пределы народов по числу ангелов Божиих, и в будущем том граде обещано столько избранных, сколько осталось там святых ангелов» [10, с. 140].

Весьма оригинальной видится ещё одна метафора, предложенная для описания «социального» в Высоком Средневековье. Якопо ди Чессоле (около 1250, Чессоле – около 1322, Генуя) – доминиканский монах, пьемонтский проповедник и мыслитель, очевидно в определённом смысле развивает функциональный подход при анализе «социального» Иоанна Солсберийского. В сочинении «Книга об обязанностях и нравах знати, или о шахматной игре» («*Liber de moribus et officum nobilium, sive de ludo schaccario*») автор объясняет игру в шахматы, пользуясь отсылками к наличному социальному опыту читателя: «В жизни, как на шахматной доске, каждая фигура имеет не только свои права, но и обязанности» [15]. Отечественная исследовательница средневековой ментальности С.А. Лучицкая, анализируя сочинение Чессоли, отмечает: «Шахматы в трактате сравниваются с обществом и его системой отношений, взаимных обязанностей и других необходимых условий существования социального здания... Края доски представляют стены города, а они были высокими, и потому края доски высокие. Шахматы – это идеальный город Вавилона, в котором и была изобретена эта игра, в этом городе царят *concordia* и гармония... Итак, шахматы символизируют город, общество, а шахматные фигуры – различные социальные страты. На самом деле фигуры сами “напрашиваются” на аллегории: король и королева в шахматах соответствует королевской паре средневекового общества, конь – рыцарю, две ладьи олицетворяют представителей королевской власти, викариев короля, фигуры слонов – судий. Точно так же 8 пешек олицетворяют различные занятия простолюдинов – земледелие, кузнечное дело, торговлю и пр. <...> В трактате отражен огромный интерес к простолюдинам. Каждая из 8 пешек олицетворяет сразу несколько “профессий”: так пешка, олицетворяющая портного, символизирует все ремесла, связанные с обработкой ткани и кожи, – «профессии» скорняка, дубильщика, кожевника и т. д.; пешка, изображенная в виде кузнеца, олицетворяет такие ремесла, как кузнечное, а также ремесла кораблестроителя и дровосека; пешка, изображенная в виде купца, обозначает профессии торговца, менялы и пр.» [8, с. 271–272].

Предложенные метафоры, обладая определённым эвристическим потенциалом, тем не менее, концептуально не обеспечивали ни распространение «социального» за пределы христианского мира, ни действительного разрыва с перфекционистским стремлением уподобления социальной реальности порядку (*Ordo*) мира небесного.

Исследователи единодушны в оценке каталитической роли Аристотеля в трансформации философского, этического, социального, политического и других дискурсов Средневековья. Повторное открытие в 1260 г. в латинском переводе Вильгельма из Мёрбека «Политики» Аристотеля практически полностью изменило построение социально-политического рассуждения, задав новую матрицу схоластики.

Дискурсивное «обаяние» и концептуальная строгость текста древнегреческого мыслителя «вернули с небес на землю» социальные построения христианских мыслителей Высокого Средневековья, придав им естественно-природную направленность. Дискурсивный анализ текстов социально-философской направленности этой эпохи демонстрирует как практически полное подчинение средневековых авторов логике рассуждения Аристотеля, так и полному принятию его социальной онтологии. Наиболее значимые тексты это-

го периода – «О правлении государей» Фома Аквинского [14], «Монархия» Данте Алигьери [2] и «Защитник мира» Марсилиа Падуанского [9], безусловно, «заряжены», прежде всего, на разрешение самой актуальной и, в силу этого, артикулируемой ими проблемы первенства и противоборства светской и религиозной властей. Собственно социальная тематика для указанных авторов, однозначно, вторична и её решение является только основанием для разрешения проблем государственного устройства и политического доминирования. Данное, по сути, фоновое осмысление социального устройства во всех указанных текстах покоится на основных аристотелевских принципах – общественной природе человека; стремлении людей к общему благу; разумном устройении, как пишет Фома, любого «упорядоченного множества» (*multitudo ordinata*) [14, с. 234]; иерархии корпоративных сообществ (*universitas*) – дом, селение, город, царство и универсум; естественности человеческого существования; организменной аналогии существования политического объединения людей. Калькирование текстов Аристотеля, тем не менее, у всех авторов приводит к различным выводам, касающимся конечного целеполагания человеческого существования, определения совершенного сообщества людей, пониманию общего блага и справедливости.

Использование аристотелевского инструментария, «приземленность» социальных построений, наиболее ярко проявляющаяся у Марсилиа и Данте, артикуляция стремлений к совершенному социальному порядку, выстраиваемому самими людьми на основании собственного разума, – это очевидные новеллы социального дискурса Высокого Средневековья. Э.Х. Канторович следующим образом оценивает роль Аристотеля в изменении социального дискурса Средневековья: «Труды Аристотеля осенили новым ореолом корпоративный организм человеческого общества, ореолом морали и этики, отличавшимся от экклезиологического ореола *corpus mysticum*, но вполне сопоставимым с ним» [6, с. 309]. Но, возможно, самым важным следствием рецепции основных социальных концептов и дискурсивных схем Аристотеля является латентное дезавуирование в указанных сочинениях Марсилиа Падуанского и Данте понятия «христианское общество» и предпринимаемая ими попытка универсализации понятия общество, расширения его до границ всего человеческого рода. Попытку, которую Данте логически завершает, объединив людей, «человеческий род» в универсальную категорию «человечество» (*humana civitas* или *universitas hominum*). Категория, которая объединяет все человеческие множества (*multitudo*). Как пишет Данте: «Существует, следовательно, некое действие, свойственное человечеству в целом, в соответствии с которым упорядочивается великое множество людей во всей своей совокупности, и этого действия не может совершить ни отдельный человек, ни семья, ни селение, ни город, ни то или иное королевство» [2, с. 25].

Список литературы

1. Гутнова Е.В. Роль бюргерства в формировании сословных монархий в Западной Европе // Социальная природа средневекового бюргерства XIII-XVII вв. / под ред. А.Н. Чистозвонова. М.: Наука, 1979. 240 с.

2. Данте Алигьери. Монархия. / пер. с ит. В.П. Зубова. М.: КАНОН-пресс-Ц – Кучково поле, 1999. 192 с.
3. Дюби Ж. Трехчастная модель, или Представления средневекового общества о себе самом / пер. с фр. Ю.А. Гинзбург. М.: Языки русской культуры, 2000. 320 с.
4. Жильсон Э. Философия в средние века: От истоков патристики до конца XIV века / пер. с фр. / общ. ред., послесл. и примеч. С.С. Неретиной. 2-е изд. М.: Культурная революция, Республика, 2010. 678 с.
5. Иоанн Сольсберийский. Поликратик. О забавах придворных и путях, указываемых философами // Памятники средневековой латинской литературы X–XII веков. М.: Издательство «Наука», 1972. С. 353–362.
6. Канторович Э.Х. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии / изд. 2-е, испр. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. 752 с.
7. Ле Гофф Ж. Другое Средневековье. Время, труд и культура Запада. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2000. 678 с.
8. Лучицкая С.А. Метафоры средневекового общества: тело, здание, шахматы // На меже меж Голосом и Эхом: сб. статей в честь Т.В. Цивьян. М.: Новое издательство, 2007. С. 269–275.
9. Марсилий Падуанский. Защитник мира / пер. с франц. Б.У. Есенова; науч. ред., вступит. ст., примеч. Г.П. Лупарева. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К0», 2014. 656 с.
10. Отгон Фрайзингский. О будущей жизни // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. 2005. М. Наука. 2006. С. 107–152.
11. Рассадин С.В. Социальное знание и социальное бытие в европейской традиции. Тверь: ТвГТУ, 2017. 164 с.
12. Рассадин С.В. Социальный порядок в концепции Августина: от «множеств» к «народу» // Вестник Тверского государственного технического университета. Серия: Науки об обществе и гуманитарные науки. 2017. № 1. С. 180–184.
13. Роджер Бэкон Избранное М.: Издательство Францисканцев. 2005. 480 с.
14. Фома Аквинский. О правлении государей // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе (VI —XVII вв.). Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1990. С. 233–243.
15. Цессолес, Якобус [Электронный источник] // Википедия. Свободная энциклопедия. URL. https://ru.wikipedia.org/wiki/Цессолес,_Якобус (дата обращения: 10.11.2018)
16. Biology as Society, Society as Biology: Metaphors / ed. S. Maasen, E. Mendelsohn, P. Weingart.. Dordrecht; Boston; London: Springer-Science+Business media BV, 1995. 356 p.
17. Lakoff G., Johnos V. Metaphors we live by. Chicago: University of Chicago Press, 2003.
18. Polyrraticus // Joannis cognomine Saresberiensis, Carnotensis Episcopi «Opera omnia» – juxta editionem Oxoniensem quam nuper

ad fidem codicum mss. exegit J.A. Giles : accedunt Petri S.R.E. Cardinalis tituli S. Chrysogoni ... [et al.] Opuscula, Diplomata, Epistolæ, Vol. 1. P. 379–822.

19. Wokler R. The Nexus of Animal and Rational: Sociobiology, Language, and the Enlightenment Study of Apes // *Biology as Society, Society as Biology: Metaphors* / ed. S. Maasen, E. Mendelsohn, P. Weingart.. Dordrecht; Boston; London: Springer-Science+Business media BV, 1995. P. 81–106.

FROM THE «MULTIPLICITY» TO «HUMANITY»: THE TRANSFORMATION OF SOCIAL DISCOURSE IN THE HIGH MIDDLE AGES

S.V. Rassadin

Tver State Technical University, Tver

The article is focused on the transformation of social reality description in the «mature» Middle Ages. Aristotle's social views influence on the scholastic thought is studied. The most significant approaches to social reality portrayal in the heritage of the XIII-th–XIV-th century thinkers are revealed.

Keywords: *Aristotle, High Middle Ages, social discourse, Christian society, humanity, social ontology.*

Об авторе:

РАССАДИН Сергей Валентинович – кандидат философских наук, доцент кафедры психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», Тверь. E-mail: s_r08@mail.ru.

Author information:

RASSADIN Sergey Valentinovich – PhD, Assoc. Professor, Department of psychology and philosophy, Tver State Technical University, Tver. E-mail: s_r08@mail.ru